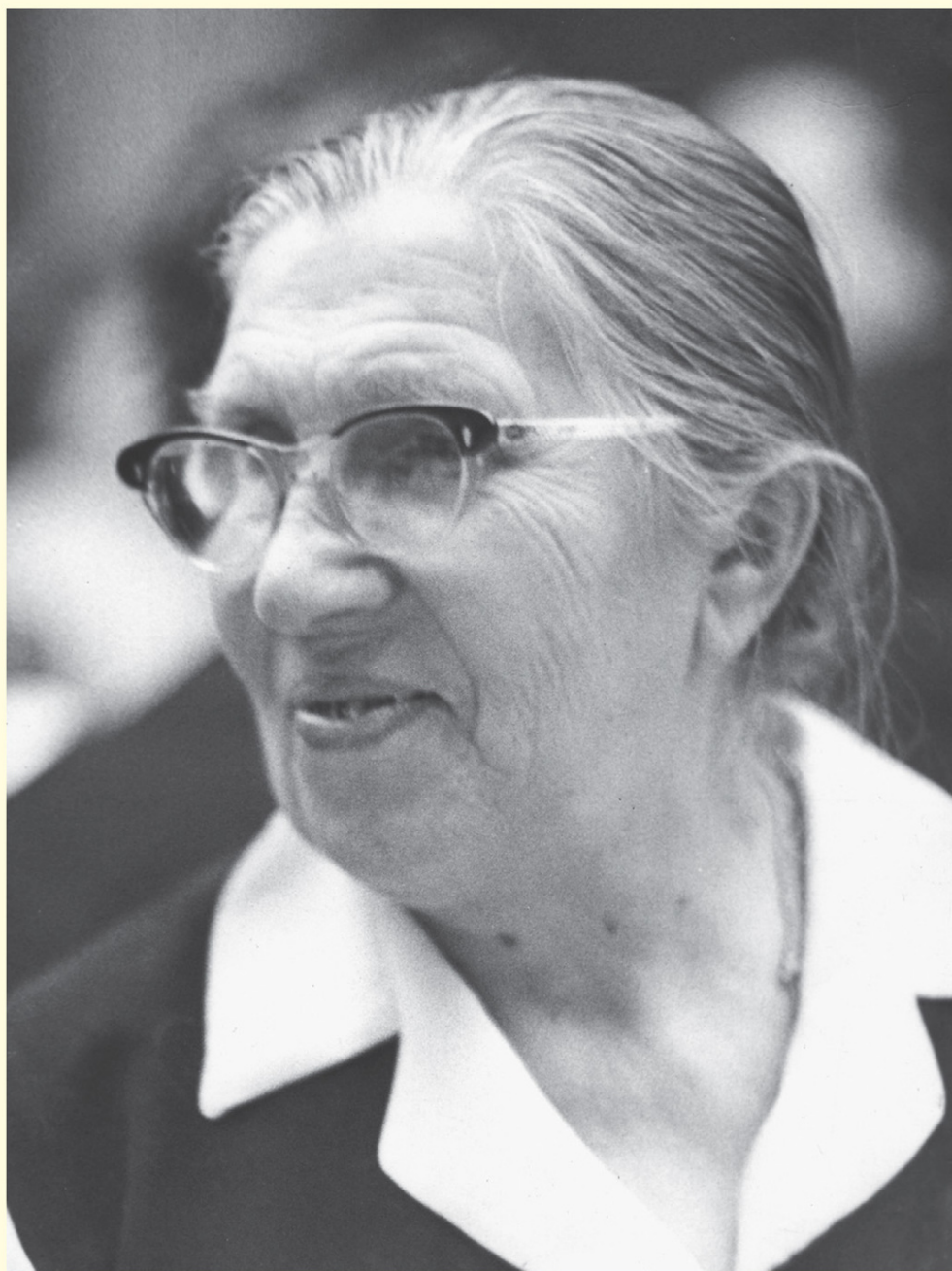

Борис Рогатин

НЕСГИБАЕМЫЕ

Борис Рогатин
Несгибаемые

«У Никитских ворот»

2017

УДК 82-94
ББК 83

Рогатин Б. Н.

Несгибаемые / Б. Н. Рогатин — «У Никитских ворот», 2017

ISBN 978-5-00095-415-7

Книга посвящена ушедшему в прошлое поколению, не сломленному годами репрессий и военного лихолетия, жившему суровой романтикой ударныхстроек и созидания родной страны. Массового читателя ожидают встречи с известными и неизвестными героями: шахтерами, строителями, военачальниками, космонавтами, спортсменами и многими другими, кто оказал влияние на судьбу автора.

УДК 82-94
ББК 83

ISBN 978-5-00095-415-7

© Рогатин Б. Н., 2017
© У Никитских ворот, 2017

Содержание

Народ-корень	5
Часть I	8
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	21
Военное детство	22
Победа!	23
Восстанавливали страну	24
Новая жизнь	25
Первооснова созидателей	26
Впечатление о тамбовщине	27
Часть II	28
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Борис Рогатин Несгибаемые

*...Твой дальний друг перед твоим портретом
Замедлит шаг, забудется – томим
Какой-то сладкой завистью, тоскою
О давней жизни, прожитой тобою.*

И.А. Бунин

Народ-корень

Мучительно долго писал я эти строки. Словно прорывался в область недоступного знания. Страдал от непонимания: в чем причина?.. Тот самый пуд соли с автором исповедальной, задумчивой книги, которую держите в руках, мы съели уже давно. Да в каких краях! Сперва в Сибири. На Кузнецкой земле. В отрогах таинственного Алтая. Потом в Москве. Где нынче тайн значительно больше, нежели в местах нашей молодости.

Еще лет двадцать назад, не где-либо, в «Исторической газете» он назвал меня своим любимым писателем. Разве это не обязывает?.. И вот любимец его не мычит, как раньше говорили, и не телится, а все только пытается заглянуть неизвестно в какие глубины...

Потом однажды я понял: дело не только в неординарной личности автора. Загадка больше в неопределимом, непредсказуемом времени, в котором всем нам выпало жить.

Трагический для России XX век не однажды пытался стереть в умах образы прошлого и навязать народному сознанию новое видение собственной истории. Родовая память страдала при этом в первую очередь. Какие там тебе пращуры!.. До родословных ли, если нынче велят забыть одно, завтра – уже другое.

В этом смысле давнему моему другу и, несмотря на малую возрастную разницу, наставнику, а случилось – заступнику явно повезло. От предков ему досталась многозначная, сама за себя говорящая фамилия: Рогатин.

Не станем обижать обладателей фамилий менее выразительных, а то, бывает, насмешливых либо, прямо сказать, компрометирующих. Но вспомним!.. В седые времена пойти на зверя с рогатиной могли себе позволить только люди особого склада: и духовного, и физического. То была неписаная привилегия негромкого мужицкого рыцарства. Местом его прописки были не «бархатные» книги дворянства, а собранный потом по крупицам радателями России народный героический эпос.

И вовсе не случайно, я убежден, десятилетия подряд именно Рогатин стоял у истока нашего державного богатырства. Которое носит невыразительное, как бы даже скучное на нынешний взгляд название: физкультура и спорт.

Но разве это не наше с вами здоровье? Не сбережение самого главного, какое еще осталось у нас, достояния – национальной крепости, изрядно пошатнувшейся за век жесточайших перемен?

Бывает, не слишком задумываясь, о ком-либо говорим: это, мол, написано у него на роду. В случае с Рогатиным, убежден, так и есть. Более того. Плоть от плоти могучих предков, сам по природе рыцарь, он сознательно привносил дух рыцарства и в ту область, в которой соединяется, казалось бы, несоединимое: соленый пот и тонкий расчет. Умение стойко перенести и горечь поражения, и бремя победы.

Думай он только о себе и о пережившей столько невзгод своей родове, старший друг мой, уверен, мог бы стать блестящим инженером, а нынче уже и богато обеспеченным шахтовладельцем. Мог быть известным ученым в многосложном горняцком деле либо уже на том поприще, на которое привел его, успешного спортсмена, не случай – сама судьба. Сколько нынче перед глазами растиражированных примеров щедрой удачи!

Но в том и дело, что цели, измеряемой рублями, а после иностранной валютой, у него не было. Судя по всему, быть изначально не могло.

Не позволило появиться таившееся под толщей естества артельное начало? Восторжествовало свойственное русскому человеку общинное сознание? Эта горькая, жертвенная беда наша... И – по большому-то счету – спасительная для Родины-страдалицы радость.

Правдолюбец неукротимого тамбовского закваса соседствует в моем друге с надежностью и терпением сибиряка, не позволяющего себе опрометчивых решений. Может быть, это некая метафизическая, добытая печальным опытом поколений надвременная черта?

Которой в первую очередь как раз безжалостное время и пользуется. Словно отмычкой: надо, мол!..

В пору «железных прорабов» и ударных сибирских строек, которые нас не то что объединили – спаяли, бытовал такой якобы исключительно управленческий термин: «специалист по живому делу». Этими «спецами» остаются потом, как теперь понимаю, до «возвращения в Отчий дом». До перехода в иной мир. Такие «спецы» словно вбирают в себя все лучшее из прошлого, чтобы противостоять худшему в настоящем. Во имя будущего.

Таким остается и старый мой друг и соратник. Несмотря на его сугубо гражданский статус, как раз о таких человеческих особях, свято блюдущих верность и достоинство, писал француз Альфред де Виньи в своей известной книге «Неволя и величие солдата».

Теперь уже старого, разумеется, солдата. Так и не поднявшего руки. Но и не опустившего рук. Не сдавшегося непреодолимым обстоятельствам бойца. Покрытого, как шрамами, сеткой ветеранских морщин. С молодыми глазами извечного русского мальчика.

Нынче, когда из уст спортивного комментатора во время горячей коллективной игры либо напряженного поединка услышишь о ком-либо восторженное «краса-а-вец!», невольно вспоминаешь своих давно поседевших сверстников: поглядели бы вы, ребятки, какими когда-то были они!

Поймете ли, когда станете, даст бог, старше, сколько они в суровое свое время для вас сделали?! На первый взгляд малозаметного. На самом деле – как воздух для Отечества необходимого. Сделали, оставаясь сами в тени успеха. А это ведь тоже непростое умение. Не исключая, самой высокой человеческой пробы.

В моем дипломе журналиста в графе «профессия» обозначено: литературный работник. Сокращенно – «литраб».

Многосложное это, но счастливое рабство заставило меня в свой час помогать знаменитому конструктору-оружейнику Михаилу Тимофеевичу Калашникову, который в лихие девяностые трудился над своими мемуарами «От чужого порога до Спасских ворот». Мне выпало стать, по сути дела, биографом удалого циркового наездника, народного артиста СССР Ирбека Кантемирова, долгие годы возглавлявшего всемирно известную группу джигитов «Алибек». Не однажды приходилось писать о легендарном рукопашном поединщике Федоре Емельяненко, но и общаться с Мастером, общепризнанным учителем рукопашки Алексеем Алексеевичем Кадочниковым. Довелось близко видеть и знать многих известных соотечественников, прошедших испытание «медными трубами» громкой славы в самом ее зените. Это и космический генерал А.А. Леонов, и легендарный генерал – охранитель народа российского И.Ф. Шолов. И, может быть, как раз оттого-то мне щемяще понятен и дорог коллективный снимок, хранящийся в архиве Бориса Рогатина: чемпионская сборная СССР по хоккею 70-х годов. Та самая ставшая чуть ли не мифической «Красная машина».

На снимке, по обе стороны команды, два человека не в красной спортивной форме с гербом Союза на груди – в гражданских костюмах. Старший тренер Анатолий Владимирович Тарасов, чуть ли не главный тогда в стране исповедник «неволи и величия». И – партийный чиновник Борис Николаевич Рогатин... «Сбоку припека»?

Кому-кому, а мне в силу разных обстоятельств лучше других известно: уж нет!

Иногда мне сдается: примером своей безграничной преданности богатырству Матери-России он и меня сделал в определенном смысле «спортивным» писателем. Твердо внушив, что слова «спорт» и «порядочность», «спорт» и «достоинство», «спорт» и «честь» – неразделимы.

После я напишу свою «Красную машину», в которой он станет одним из главных действующих лиц. Удивлюсь потом и обрадуюсь, когда один из моих старых товарищей, Анатолий Пренко, живущий на юге и никогда с Рогатиным не встречавшийся, чуткий и глубокий писатель, отметит в пылкой своей рецензии как удачу именно его «светлый образ». «В Борисе Рогатине он (автор «Красной машины». – Г. Н.) восхищается удивительно русской чертой: радоваться чужому успеху».

Нынче думаю: может быть, именно эта бескорыстная и даже несколько беспечная особенность русского характера и стала «камнем преткновения» нынешних мировых разногласий?

И в исповедальной книге Бориса Рогатина, и в моем романе есть общая сцена: презентация воспоминаний Александра Кикнадзе «Тайнопись. События и нравы зашифрованного века». На которой автор сердечно благодарил Рогатина за братскую помощь в так называемые застойные годы: Борис, будучи якобы «типичным партократом», дал издательству «Советский писатель» бесстрашное положительное заключение на острый роман Александра «Игры в футбол».

Как искренне я в тот час радовался публичному братанию «либералов» с «патриотами»!.. А через месяц-другой простодушно позвал в писательский клуб одного из главных устроителей презентации «Тайнописи». На свой творческий вечер. И он воскликнул почти испуганно: «Извини меня, милый!. Ты знаешь, как я к тебе отношусь. Но прийти не смогу: наши мне этого не простят!»

И я открыл тогда для себя еще одну тайну. Уже нашего, более, может быть, многосложного и беспощадного времени: война продолжается. Презентация Александра была только перемирием, устроенным его благородным порывом.

Почему война – без кавычек?

Да потому что она так и не прекращалась, начавшись еще до августа 14-го. Или разговоры о «гибридных методах» – всего только досужие домыслы? Если, мол, нет, это правда, – они еще только планируются. Такие войны.

Нет же: в самом разгаре.

Мы на временном острие еще небывалого дотолесражения. Сдав политику с экономикой, с великим трудом и крайним напряжением сил удерживаем теперь последний рубеж: духовный.

И наша, считай, единственная надежда – так до конца и не понятый нашими заклятыми друзьями «русский характер». Читай: российский. Как это понимают наши друзья истинные. За время горьких бед и общих радостей ставшие нам и действительно братьями.

Только на него нам, на рыцарский народный характер, и опираться. Ведь опираться можно только на то, что не гнется.

Как не гнулась вековая, тысячелетняя рогатина, некогда сдерживающая буйную силу властителя бескрайнего Русского Леса... И постепенно, благодаря уму и терпению ее недюжинного владельца, рыцаря от земли, обратившая природный медвежий образ уже в другой. Иносказательный. Символический. Которого так боятся в нас наши ненавистники.

В образ Русского Медведя.

Гарий Немченко

Часть I

История одной семьи

Глава 1

Ужасы ноябрьской ночи 37-го года

Недавно мне пришлось стать невольным свидетелем разговора двух женщин. Судя по скромной одежде, они были из сельской глубинки. Спор шел о нашей сегодняшней жизни. Я слышал лишь часть их бурной перепалки.

– Как может моя соседка говорить, – горячо доказывала самая молодая из них, – что ей хоть впору вешаться, встречая каждый Божий день?

– Что ты, Бог с тобой! Неужели это впрямь так серьезно? – робко возразила вторая.

– Говорит, что ей нечем кормить ребячью ораву. Разве у нее головы, рук нет? – не унималась женщина. – Я вот техникум окончила, а пошла работать уборщицей. Ну и что? Раз другого ничего нет. А у нее есть огород, хозяйство, и она, видите ли, готова руки на себя наложить от безысходности. Я так скажу, подруга, – разучилась она работать и за страх и за совесть!

Мне неудобно было слушать продолжение жаркой дискуссии. Я обогнал их, но слова эти и отчаянная решимость и вера, с которой они были сказаны, о многом напомнили.

Одна за другой передо мной стали возникать картины жизни нашей семьи, пять поколений которой на моей памяти пережили вместе со страной и горе, и радости.

Я стал записывать их.

Откуда берется это осознание, что главное в нашей жизни – труд и от труда каждого зависит успех всех? – эта мысль, словно клюв дятла, снова и снова долбила растревоженный воспоминаниями мозг.

Любовь и уважение к труду мы унаследовали от своих предков. Наши деды и прадеды жили и работали на земле. Отец начал свой трудовой путь в колхозе, а в свободное от колхозных забот время работал на транспорте и, как писала мама в одном из обращений к руководству страны: «Среди рабочих транспорта воспитывался революционным советским духом».

А чтобы представить, каково было совмещать труд колхозника с работой на транспорте, назову лишь одну цифру – за год в колхозе отцу начисляли свыше ста трудодней! И это были не те трудодни, которыми я возмущался в бытность секретарем обкома комсомола, когда колхозные мужики проводили их за перекурами. Трудодни отца приходились в основном на летние месяцы. За свой трудодень во время жатвы он мог скосить вручную до одного гектара зерновых! Мама едва успевала за ним вязать снопы. А еще надо было работать каждую смену на транспорте.

У нашего дома был громадный, как казалось в детстве, участок земли, который засевался пшеницей. Была, доставшаяся при разделе семьи отца, корова, имелись овцы. И это все тоже требовало забот. «А как же, – говорили родители, вспоминая те годы, – вас ведь в семье было пять ртов, и все мал мала меньше. Да и дом надо было обиходить, хозяйство содержать».

Замуж мама вышла по уговору родителей. Рогатины считались семьей работающей, зажиточной. Ведь стены их дома были выложены из кирпича, крыша покрыта железом – это была редкость на селе в те годы. Правда, жилой площади было всего-то около сотни квадратных метров, и на ней непонятно как размещались парализованный отец, мать, сестра, пять братьев, их жены и малые дети новых семей. Среди этой малышни подрастали и наши старшие: Ваня и Клава.

Вскоре отец был призван в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии. Служил он, с гордостью вспоминая позже, в воинской части, из которой вышел прославленный «сталинский сокол» М. Громов.

После службы в армии отец вернулся на транспорт осматрщиком вагонов. Эта профессия в те годы была крайне ответственной. От внимательности и добросовестности осматрщика вагонов зависела работа подвижного состава. Недоглядел, недолил масла в буксу, не услышал дефекта (по ступице стучали молотком), неправильно определил температуру колесной пары (а ее обязательно для этого трогали рукой) – жди неприятностей. Букса может загореться, и до крушения состава недалеко.

За 17 лет работы в этой профессии он не имел ни одного замечания. Был ударником, стахановцем, неоднократно премировался. Однажды был поощрен даже такой необычной для тех времен наградой, как путевка для сына-отличника в пионерский лагерь «Артек».

Казалось, в этой отдельно взятой семье, сбывались сталинские слова: «Жить стали лучше, жить стали веселее». Наконец-то встали на ноги, начали выбиваться из нужды. Живи, работай, люби, радуйся успехам подрастающей ребятни! Но судьба уготовила этой семье страшное испытание.

Заканчивался 1937-й... Накануне мне исполнилось четыре года. Но та ноябрьская ночь осталась в памяти на всю жизнь как невозвратная потеря чего-то светлого, дорогого. Эта страшная ночь при воспоминании о ней заставляет до сих пор в безысходной тоске сжиматься сердце.

Нас разбудил громкий стук в дверь. Все подскочили на своих лежанках. Папа пошел открывать, недовольно ворча: «Кого это там нечистая носит?!»

Вместе с клубами морозного воздуха в избу ввалился человек в форме, за ним двое соседей – понятые. Мы с младшим братом, сжавшись комочками на полу (это было наше место для сна), запомнили ставшее роковым: «Собирайся!» И, достав из сумки большой лист бумаги, этот человек начал читать вслух.

Мы смотрели на происходящее глазами, полными ужаса, ничего не понимая. До детского сознания дошло лишь, что случилось что-то страшное, несправедливое. Мама зарыдала в голос и вцепилась в папу мертвой хваткой. «Не пуцу!» – кричала она. Старшие в тревоге сгрудились вокруг мамы. К ним примкнули и мы с братишкой, истошно ревя и растирая кулаками слезы.

Соблюдая формальность, человек в форме деловито оглядел наше скромное жилище, порылся в лежащих на столе учебниках и в сопровождении стоявшего все это время у двери с винтовкой в руках солдата увел отца.

– Кормилец, труженик, на кого же ты нас оставляешь?! – причитала мама.

– Не волнуйся, Маня, разберутся! – были последние слова отца, прежде чем он обнял всех нас на прощание.

В эту ночь все изменилось в жизни нашей семьи. Мы потеряли опору. Тягостная, удручающая пустота наполнила дом.

Я часто спрашиваю себя, вспоминая то время: «Неужели надо было в служебном рвении работников сельского совета разрушать налаженную жизнь рабочей семьи? Был ли какой-то заговор против власти? Разве семья безмерно не трудилась? Не верила в светлое будущее страны? Зачем? Какой смысл? Как это можно понять? Можно ли вообще это понять?»

«Нет! Осудить, и точка!» – был донос.

Арест отца принес в семью не только моральные травмы и беспросветную нужду. Вряд ли задумывался тогда кто-либо из вершителей судеб людей, что активный строй созидателей страны лишился дееспособных энергичных граждан. Разве мог их дармовой труд на лесоповалах и в исправительных лагерях компенсировать то, что смогли бы свершить эти труженики своим умением, созидая страну?! Кстати, такая же участь постигла и младшего брата папы – Андрея Васильевича, который сгинул бесследно в этих лагерях, и на хрупкие плечи нестиба-

емой женщины – его жены Марии Ивановны взвалились заботы о выживании дружной и трагичной семьи, в которой кроме трех дочерей была еще престарелая мать.

Судьбы многих людей показали всю глубину нравственного раскола советского общества в конце 30-х годов. С одной стороны – работяги, продолжатели семейных трудовых традиций, люди высокой морали. И их было большинство. С другой – приспособленцы, завистники, горлопаны, прислужники, подхалимы у власти и приближенные к ней. Подобные им лицемеры и поныне часто определяют восприятие того времени. Люди с разными моральными нормами и принципами оказали в дальнейшем огромное влияние на жизнь нашей семьи в целом и судьбу каждого в отдельности.

Глава 2

Семья «врага народа»

Жизнь нашей семьи уже не могла быть прежней.

Мирная, спокойная и счастливая, она оборвалась в один момент. Арест отца разделил ее на жизнь «до» и «после».

До – это какие-то едва проблескивающие воспоминания о светлом мире, ласковых руках родителей, рождественских и пасхальных праздниках, запахе парного молока, поездке с бабушкой Ильей Илларионовичем через старый сад на покос... Да разве возможно перечислить все то, что взброс выхватывает память и заставляет млеть стареющее ныне сердце!

После – это постоянно холодеющее внутри тебя сознание нескрываемого презрения ровесников и тяжелого груза семейных забот. Это сбор посылок отцу и тревожное ожидание вестей. Это наши письма к нему и зачитываемые до дыр весточки из неволи. Это постоянные тревоги, беспокойства, хлопоты. Их хватало каждому в семье. Лишь на считанные минуты мы могли оторваться от домашних забот, огорода, рынка, школьных заданий, чтобы поиграть в лапту, погонять футбольный мяч или покататься на самодельных лыжах.

Вспоминая то время, преклоняюсь перед мужеством и невероятной силой духа мамы – Рогатиной Марии Ильиничны, во всем необоримом величии проявившей любовь и преданность мужу и детям. С пятью детьми на руках, без работы и нажитого добра она не оставила надежду вырастить детей здоровыми, выучить их, дать профессию, чтобы всегда могли зарабатывать на жизнь, на ломоть хлеба.

В связи с арестом отца-кормильца и нищенским положением семьи, казалось, не могло быть и речи о том, чтобы старший брат заканчивал десятый класс. Но, несмотря на нужду, родители мамы Илья Илларионович и Анна Никифоровна Духанины набрали из последних крох необходимую сумму для оплаты обучения и не позволили Ивану бросить школу.

Эти воспоминания о наших предках и ныне вызывают жесткие спазмы в груди – сказывается все: и горечь потерь, и бесправие, и лишения, и беспросветная нужда, и заботы, заботы... Сколько надо было иметь сил, чтобы вынести все это! На их детей свалились немыслимые беды. С истинно русским смирением, требующим огромного напряжения физических и духовных сил, переносили они эти кары, относя их к испытаниям, ниспосланным Всевышним.

Вслед за арестом зятя и заботами об этой семье в первые же месяцы Великой Отечественной войны погиб на фронте их младший сын Иван. В 1944 году в возрасте 49 лет на глазах у отца от сердечного приступа во время сенокоса скончался старший сын Александр Ильич, оставив на руках полуграмотной жены Ольги Николаевны десятерых детей. Четверо ушли сражаться с врагом на фронт. Старший, Василий, безвестно погиб. Малышня, подрастая на глазах и с помощью этих стариков, в нищете и лишениях, не просто трудилась и училась, но получала образование, профессии и даже ученые звания. Их дочь Валентина Духанина – прославленная электросварщица, влившись в ряды строителей Западно-Сибирского металлургического завода по комсомольской путевке, стала гордостью этого многотысячного коллектива. Товарищи по труду избирали ее делегатом на XXII партийный съезд в Москву. А это тогда было бесспорным признанием.

Думаю, что это отступление позволит дополнить степень трагедии и необоримой воли нашей семьи.

Конечно, главные заботы о детях, доме и хозяйстве легли на плечи мамы. Это сейчас перед президентом страны ставят вопрос, чтобы матери, имеющей даже трех детей, платили зарплату. В те годы никто не задумывался над тем, за счет чего и как будет выживать многодетная семья. Мама пошла работать уборщицей, но после того, как сразу двое детей заболели, о работе пришлось забыть.

Выживали, как могли. Мамы хватало на все. Она хлопотала о письмах к разным высшим людям страны по поводу надуманных обвинений отцу и бедственного положения семьи, берегла хозяйство. Ведь только для коровы надо было заготовить на зиму не одну тонну сена. И мы дружной гурьбой пропалывали колхозные поля, косили стерню, собирая и затем высушивая сорняки на корм. Ранней весной извлекали из земли остатки промерзших за зиму клубней картофеля. Из них получались хорошие оладьи, правда, совсем черные.

В три часа утра мама уже была на ногах: готовила корм скотине, доила (пока была) корову, месила тесто, растапливала русскую печь, чтобы для рынка напечь лепешек или блинов. Нам, конечно, этих лакомств не доставалось. Они предназначались только для продажи, чтобы выжить семье. А для нас пеклись те самые черные картофельные оладьи. К шести часам она будила нас, чтобы успели до школы продать на вокзале эту снедь.

Хватало ее и на то, чтобы присматривать за нами: сделаны ли уроки, нарвать уши, если попадались на глаза с папиросой в зубах. Зато ни один из трех братьев так и не закурил, хотя у одного за плечами были окопы передовой на фронте, у двух других – работа на шахтах.

А ведь это была теперь не просто жизнь без отца...

Война, как ужасающая грозная туча, накрыла нашу страну, извергая на землю разрывы снарядов, бомб и разящие фейерверки трассирующих пуль. Потоки беженцев, голод, боль и страдания затронули жизнь всех вокруг. Правда, мы перестали вздрагивать, услышав злобное «враги народа», потому что теперь у всего народа на устах был один общий враг – фашизм.

Все, от мала до велика, старались помочь фронту. В этом горе – все были равны. Даже от бомбежек мы перестали с соседями прятаться в погреб; теперь спать ложились вповалку, чтобы, если придет смерть, встретить ее вместе.

Могучие силы страны и трагедии войны мы видели каждый день. Наш дом стоял в сотне метров от железной дороги, по которой непрерывным потоком в разных направлениях шли эшелоны с солдатами, техникой, беженцами, проезжали длинные составы с красными крестами на вагонах.

Следуя традициям крестьянской семьи, мама проявляла строгость и категоричность в вопросах воспитания детей и особенно старших сестер. Им запрещалось уходить из дома поздно вечером и заводить сомнительные знакомства. А для нас – малолеток – существовало непреклонное правило: только сделав дело, можно гулять смело. Может сложиться впечатление, что мы жили в домашних застенках. Отнюдь! Сестры активно участвовали в художественной самодеятельности, хорошо пели, плясали. Часто выступали в клубе и перед ранеными в госпитале.

И хотя мама была исключительно верующим человеком: следила за православными праздниками, соблюдала посты, постоянно ходила в церковь (до нее было почти 10 километров, а свой храм в деревне рьяные безбожники разрушили), – но на детей жесткость религиозного воспитания не распространялась. Мы были свободны в своем выборе и, как награде, радовались разрешению пойти в церковь на причастие, освятить кулич на Пасху или славить Христа на Рождество.

Вот такими были моральные устои этой простой рабоче-крестьянской семьи. О себе мама не думала, будущее детей было для нее главным в жизни. В этом, как мне кажется, и состоит неопоримость русской женщины.

После 7-го класса, видя нужду семьи, доходящую до нищеты, я объявил, что пойду учиться на шофера. «Нет, – строго ответила мама, – пока у меня есть силы, не позволю тебе бросить школу. Как посмотрю в глаза отцу, когда он вернется домой?! Вот окончишь школу, а там, как Бог пошлет».

Обращаясь с просьбой разобраться по делу отца к верховному прокурору страны, мама писала: «Мой муж преданный, чуткий человек из трудового народа, несмотря на свои честные и уважаемые заслуги, по заочному решению тройки при закрытых дверях осужден и оста-

вил нас – такое большое и бессильное семейство: измученную болезнями жену, малых детей, которых воспитывал и учил в революционном духе. Они стали пионерами и комсомольцами, отличниками учебы. Не имея никакой помощи и поддержки, без кормильца и воспитателя – отца они зачастую бывают голодными и холодными. Что же теперь, я, не способная из-за болезни к физическому труду, должна с ними погибнуть?»

И далее...

«Не могу согласиться, что в Советском Союзе может существовать закон, допускающий издевательство над трудовыми людьми, бросать на погибель их детей...»

Значит, существовали такие негласные изуверские законы! С трибун звучали громкие слова о том, что Сталинская Конституция провозглашает защиту прав людей и страна «строит самое справедливое общество на земле». А на деле процветали клевета, зависть, желание выслужиться, которые могли не только уничтожить человека, но и являлись для кого-то нормой жизни и успешного карьерного роста.

А как жить с отметиной детей «врага народа»?

Одни, зная добрые устои нашей семьи, жалели нас, сочувствовали, старались по-возможности поддержать, помочь. Другие, наоборот, – стремились унижить, оскорбить и при любом удобном случае напомнить: кто мы такие.

Первым в жернова этих унижений попал старший брат – Рогатин Иван Николаевич. В 1941 году он с отличием окончил среднюю школу и подал документы в институт железнодорожного транспорта. Ему отказали с формулировкой: сын «врага народа». А когда вместе со всем мальчишеским выпуском класса Иван попросился на фронт, его одного, как неблагонадежного, вместо действующей армии направили на Урал в строительный батальон. Там, работая на мерзлоте, он заболел крупозным воспалением легких. И лишь после госпиталя в 1942 году попал на передовую и до конца войны воевал. Участвовал в боях на Курской дуге, форсировал Днепр, освобождал Украину, Румынию, Венгрию, Чехословакию, Германию. Многократно награждался. Прослужив в армии в общей сложности 51 год, в звании генерал-майора он ушел из жизни.

Влияние «добрых и злых гениев» семьи ярко отразилось на судьбе старшей сестры – Рогатиной Клавдии Николаевны. Характер у Клавы исключительно доброжелательный. Красавица, певунья – она была заводилой школьной жизни. И когда с переходом в старшие классы встал вопрос оплаты за обучение, не только семья, но и руководство школы ломало голову, как решить эту проблему. Директор предложил ей поработать старшей пионервожатой.

Великая Отечественная война застала Клаву в этой должности в школе. И когда под Смоленск направили в помощь фронту отряд девушек-старшеклассниц на рытье противотанковых укреплений, то во главе его была эта шестнадцатилетняя девочка.

Не добрались девушки до линии фронта. Где-то под Воронежем их высадили из эшелона в поле под бомбами и обстрелом фашистских самолетов. Вместе с толпами беженцев, перевозимых зной и холод, полураздетых, голодных, перепуганных девчонок – всех она привела обратно домой.

В 1944 году Клава вышла замуж за секретаря райкома комсомола Александра Андреевича Сухарева. Этот райком был в этом же поселке, поэтому все знали историю нашей семьи. Шесть лет А.А. Сухарев проработал в должности первого секретаря Тамбовского обкома комсомола. Заслужил уважение и любовь актива. Был на хорошем счету у партийного руководства области.

Но вот в 1949 году в газете «Правда» появилась статья, в которой коммунист Сухарев обвинялся в обмане партии как утаивший факт, что его жена является дочерью «врага народа». Лишь с третьей попытки голосования пленум освободил его от работы.

Пожалуй, каждому из нас – детей этой трудолюбивой и дружной семьи пришлось пронести на себе клеймо «врага народа» – изгоя общества.

Когда мне исполнилось 14 лет, я, как и все ребята в классе, подал заявление о вступлении в ряды ВЛКСМ. На комсомольском собрании в школе приняли всех. Готовились к бюро райкома комсомола. В назначенный день мы столпились у дверей кабинета. Приглашают меня. И сразу вопрос:

– А где твой отец?

– Он сейчас в тюрьме, – отвечаю.

– Как! – восклицает товарищ из райкома партии. – За что осужден? Какая статья?

– 58, пункт 10, – заикаясь, говорю. Эти цифры, как у узников концентрационного лагеря, были выжжены у нас, только не на руке, а в сердце.

– Так это – враг народа! И ты хочешь пролезть в комсомол?

Затем, подумав, добавил:

– Товарищ Сталин говорит, что сын за отца не отвечает, но ты, верно, письма отцу пишешь и врага народа дорогим папочкой называешь? Я бы тебе посоветовал отказаться от такого отца. Вот тогда мы откроем тебе дорогу в ряды Ленинского комсомола.

Вышел я из кабинета, как оплеванный, готовый провалиться сквозь землю, пристыженный, убитый горем, не зная, куда спрятать глаза. Ведь я один из всех товарищей оказался не принятым. И такое... говорили о моем любимом отце! Недопустимо, ужасно, несправедливо!

Правда, через два года меня все-таки приняли в комсомол, и тот же райком подтвердил это решение. А через три месяца избрали секретарем комсомольской организации школы. С тех пор начался мой более чем тридцатилетний путь активной деятельности в рядах Ленинского комсомола.

Пройдя все ступени в этой организации, в гуще событий и дел в индустриальном Кузбассе, среди шахтеров, металлургов, строителей, тружеников села, интеллигенции, молодых людей увлеченных и творческих, – я всегда знал, что большинство в ней тех, кто не предаст, кто не откладывая готов идти работать и побеждать.

Наша средняя сестра Рогатина Ираида Николаевна была главной помощницей мамы в заботах о домашнем хозяйстве, хлопотах о нас – меньших братьях, наших успехах в учебе, поведении. Не секрет, что во время войны, особенно на железнодорожных станциях, процветали преступность и жульничество, и было трудно устоять от соблазна легких денег и воровства. Строгость, с которой она относилась к нам, я сейчас вспоминаю с большой благодарностью.

После завершения учебы в Тамбовском пединституте она была направлена в Белоруссию. Проработав там год, вышла замуж за одноклассника – Марченко Станислава, окончившего Московский горный институт.

Кстати, его отец Марченко Михаил Сергеевич в то время был первым секретарем райкома КПСС (Первомайский район Тамбовской области). Ира, в традициях истинно русской интеллигенции, вслед за мужем – горным инженером последовала в Сибирь. Здесь в поселке Краснобродский Кемеровской области она до ухода на пенсию работала в школе.

И, чтобы завершить краткую летопись семьи, скажу о нашем младшем брате Рогатине Николае Николаевиче. Мы с ним росли вместе, трудились вровень, и доставалось нам за шалости тоже поровну. Он тоже окончил Московский горный институт, работал на руднике в Белгородской области, затем первым секретарем Октябрьского райкома комсомола и директором научно-исследовательского института в Москве. Он автор учебника для вузов «Технология и механизация открытых горных работ». Защитил диссертацию – кандидат технических наук. К сожалению, рано ушел из жизни.

Горести и радости каждого из членов семьи ложились на хрупкие плечи мамы. Как она могла защитить нас от жестокого мира людской несправедливости? Да и грамоты у нее, как и у папы, было не ахти – незаконченная приходская сельская школа. Она мало говорила. Всплак-

нет, бывало, вспоминая добрым словом папу, и скажет: «Работа – спаситель наш от всех горестей и невзгод. Бог поможет!»

Вот так! Не согнулась под тяжестью лихолетья эта русская женщина. А дети «врага народа» благодаря трудолюбию, усердию и настойчивости, унаследованным от предков, в полной мере сумели реализовать свое право на достойное образование, профессию, работу.

Мы гордились своей страной, мы верили в нее, мы хотели стать и стали активными участниками ее созидательных процессов. Из семьи «врага народа» вышли доблестные защитники Родины, дипломированные специалисты промышленности и народного просвещения: генерал-майор, два горных инженера, два учителя, два кандидата наук, общественные деятели.

Написав это, я невольно остановился. Ведь история нашей семьи не исключение.

Бок о бок со мной уже шесть десятков лет несет все радости и невзгоды близкий, дорогой и любимый человек – моя жена Рогатина Людмила Ивановна. Ничто не смогло разрушить наш союз. Мы учились в одном классе, вместе закончили школу. И о семье, в которой она выросла, можно написать поучительную повесть.

Ее отец – Епихин Иван Михайлович – вернулся с Великой Отечественной войны после тяжелого ранения инвалидом и не мог быть полноценным помощником в семье. Поэтому мама – Епихина Нина Алексеевна, удивительно скромная трудолюбивая русская женщина стала той основой, на твердыне которой держалось нравственное и физическое существование семьи.

Талантливая самоучка, познавшая все тонкости и секреты портняжного дела, она день и ночь не разгибая спины трудилась, выполняя заказы знакомых. На том и зиждился их скромный достаток. Не берусь описать тяжелейшие условия жизни подрастающих друг за другом семерых детей, но все стали достойными гражданами страны. Правилom их жизни было: с думой о будущем получать знания и честно трудиться. Все дети успешно окончили среднюю школу, получили высшее и специальное образование. Среди них инженер, врач, два учителя, два техника, офицер.

Вы, читающие эти строки, оглянитесь вокруг! И перед вами во всем величии предстанут семьи близких людей и несгибаемые женщины – гордость и опора страны, на которой стояла, стоит и развивается Земля Русская.

Их не сломили годы, враги и невзгоды!

Глава 3

Тернистый путь зэка

Передо мной лежит справка № 477 «О снятии судимости». Рогатин Николай Васильевич 1903 года рождения был осужден 30 декабря 1937 года по ст. 58 п. 10 УК РСФСР к заключению в ИТЛ сроком на восемь лет.

По постановлению Особого совещания при Министре государственной безопасности Союза ССР от 19 декабря 1951 года указанная судимость вместе со всеми связанными с ней ограничениями с Рогатина Н.В. снята.

Вот так была подведена черта под горькой и трагической судьбой человека. Годы страданий, лишения, голод, разлука, искалеченная жизнь семьи и унижения – все вместилось в эти написанные под копирку строки.

Правда, у нас – его детей – есть еще одна справка, свидетельствующая о том, что мы являемся **жертвами политических репрессий**.

Теперь вернемся к той ноябрьской ночи 37 года. Отца увели из дома, и 27 ноября он оказался в тюрьме города Мичуринска. На первом же допросе ему предъявили обвинение как сыну кулака и врагу советского народа, основываясь на справке, выданной сельским советом. А уже 16 января 1938 года тройка НКВД при закрытых дверях вынесла означенный выше приговор.

Позже отец вспоминал, что на так называемом суде тройки ему даже не дали возможности защититься и объяснить, что во время Октябрьской революции 1917 года он был четырнадцатилетним подростком. А семья, в которой все занимались земледелием, была далека от политики. Вырастить хлеб, убрать урожай, ухаживать за скотиной – таковы были главные заботы. Каждый из членов семьи четко знал свою роль: одни пахали, сеяли, убирали, другие занимались извозом.

В зрелые годы, работая в Москве, я добился в КГБ разрешения на ознакомление с делом отца.

«Сын кулака»?

Как известно, у кулаков отбирали нажитое. Но эта горькая участь миновала семью родителей отца. Даже раскулаченных родственников в ней не было.

Клевета?! Но ведь у бумаги из сельсовета есть подпись, и ей верили без проверок и подтверждения.

Вчитываюсь внимательно, пытаюсь найти хоть какое-то упоминание о той антисоветской структуре, состоя в которой отец вел агитацию. Несколько раз перелопачиваю вдоль и поперек пожелтевшие страницы дела, но так ничего и не нахожу. Оказывается, кто-то якобы свидетельствовал, что отец однажды при осмотре вагонов поезда, сделавшего остановку на станции, встретившись с пассажиром, в ответ на его вопрос: «Как живешь, отец?» – стал сетовать на жизнь.

Вот и все об агитации в деле. Хотя отец такого случая не вспомнил.

Листаю дальше... На одной из страниц есть запись: «Жена прятала священника в подполье от преследования богоборцев». А вот об этом как-то раз мама рассказывала.

Когда я однажды поведал владыке Александру – архиепископу Костромскому и Галичскому об этом факте и обо всех мытарствах нашей семьи и мамы, он растроганно сказал: «Твоя мать свершила подвиг во имя церкви. Мы внесем ее имя в список для постоянного поминания в храме».

Осужденный без каких-либо доказательств, отец был направлен в исправительный трудовой лагерь в г. Комсомольске-на-Амуре. Пробыл он там недолго и уже в 1939 году был возвращен в тюрьму города Мичуринска для пересмотра дела в связи с письмом мамы Верховному

Прокурору СССР. И опять затеплилась надежда, опять потянулась бесконечная череда наших поездок в тюрьму, передач без разрешения свиданий. Так продолжалось до начала войны. И хотя следователь сообщил, что новым расследованием не подтвердились обвинения, выдвинутые против отца, тройка НКВД, основываясь на прежних показаниях, оставила приговор без изменения, даже не удосужившись заглянуть в новые материалы дела. Это был еще один удар по нашим надеждам на его возвращение.

Папу направляли в исправительный трудовой лагерь теперь в Свердловскую область. Мы собрали кое-какие теплые вещи, и мама должна была успеть до этапа съездить в Мичуринск, чтобы их передать.

События того вечера накануне маминой поездки и ее воспоминания об этом страшном путешествии врезались в память до мельчайших подробностей и оставили неизгладимый ужащающий след.

Всю ночь мы не спали от зарева и грохота, глядя на отблески багровых взрывов. Это фашисты безжалостно бомбили узловую станцию Кочетовка в 20 километрах от нас. Все в страхе и панике ждали налета на наш железнодорожный узел. Но на сей раз Бог миловал.

Позже мама вспоминала, как их поезд едва тащился по единственному наспех уложенному пути. Вокруг еще горела земля и разбитые остовы вагонов, дымилось зерно у искореженного элеватора, валялись обгоревшие тела людей, трупы лошадей, вздыбленные рельсы. Пахло гарью, и в воздухе стоял смрад, удушливый нестерпимый отвратительный смрад, разрывающий все внутри.

«Невозможно передать словами весь ужас, охвативший меня, – продолжала мама и с горечью вопрошала: «Зачем же нашего отца, такого нужного человека, защитника Родины усылают Бог весть в какую даль? Он служил в Красной армии, имел поощрения за добросовестную и умелую службу. Как бы он сейчас пригодился, находясь среди тех, кто должен бить фашистских гадов!»

В лагере отец не чурался никакой работы, и его за это ценили. Работящий, бесконфликтный, умеющий постоять за себя не горлом, а делом, – в кругу зеков его знали и уважали, как доброго отца, примерного семьянина, любящего и любимого мужа. Умения и навыки, приобретенные им в большой семье и на воинской и гражданской службе, пришлось как нельзя кстати в условиях лагерной жизни. Он мог построить дом, сложить печь, даже смастерить насос. Пригодились и сметливость, и умение без нивелира выставить на глазок строгий ряд опор под сооружение, будь то забор или стена барака.

«Всякое было в той жизни, – вспоминал он иногда, – и болезни, и голод, и холод, но никогда я не был жалобщиком или стукачом».

Рассказывал отец и о непростой науке выживания в лагере:

«В лютый мороз нам выдавали смерзшуюся, как камень, плитку хлеба. Чтобы утолить нестерпимый голод, многие жадно набрасывались на заледеневшую краюху, разгрызая и захлебываясь слюной. Никакие уговоры и предостережения о том, что можно заработать язву желудка, не действовали. Я же клал эту плитку за пазуху, отогревал и, получив кружку кипятка, бросал хлеб в горячую воду. Получалась теплая кашлица, которая немного согревала и насыщала».

Или...

«Как-то раз нос к носу на лесной дороге встретился с медведем. Уж больно большим показался мне тот зверь, особенно когда встал на задние лапы. «Ну, все, конец, – подумал я, – ведь в руках даже палки нет, чтобы отмахнуться». Смотрим друг на друга. А у меня в мыслях: «Ну зачем я тебе, такой горемыка?» Секунды длилось это противостояние, показавшееся вечностью. Медведь прорычал недовольно, опустил на передние лапы и нехотя поковылял на

волю в родную тайгу. А я, постояв немного в оцепенении, побрел в свою охраняемую клетку под названием ИТЛ¹».

Все долгие восемь лет отцу пришлось тянуть тюремную и лагерную лямку, и еще почти два года, освободившись, он не имел права покидать место отсидки.

В 1946 году отец вернулся домой. Клеймо «врага народа», как дамоклов меч, висело над ним – нигде не принимали на работу. После долгих мытарств он все-таки устроился грузчиком. Мне не раз, чтобы заработать на обучение, приходилось помогать их бригаде в разгрузке вагонов. Какой же это был тяжелый труд! На всю жизнь запомнилась разгрузка платформ с поваренной солью (куда она только не проникала!). А сколько таких платформ было у них!

И лишь после снятия судимости и с открытием в поселке Первомайский химико-механического завода отец вновь влился в ряды рабочего класса – стал работать мастером по резке металла. И снова – передовик производства, незаменимый мастер, поощряемый работник. С этой работы он ушел на заслуженный отдых, на пенсию.

Годы каторжной жизни, лишений, голода, болезней и ссылок сказались на его здоровье. Отец начал слепнуть и в последние годы жизни совсем потерял зрение. Мы пытались помочь, консультировали его у лучших московских специалистов, но время было безвозвратно упущено.

Умер он в дни, когда съезд Народных депутатов СССР заслушивал ужасающие выступления ораторов, поносивших наперебой прошлое страны. Дело шло к развалу Великой Державы. Я был тогда членом Верховного Совета СССР.

«За что, – спрашивал отец за несколько дней до смерти, обращаясь ко мне, как к представителю власти, – я и наше поколение прошли ту пытку? У нас даже там, в лагерях, не было таких оскорблений и ругательств в адрес родной страны, которые сегодня извергают эти мужи с высокой трибуны на весь мир. Уж больно похожи эти натужные голоса на те, которые допрашивали нас и бросали в лицо: "Антисоветчики!" А они-то, выходит, и есть настоящие враги народа!»

Он, малообразованный простой рабочий, прошедший через жесткие жернова истории, сумел не только выжить в заключении, но и остаться Человеком. Он не обижался на прошлое, не проклинал его, не сокрушался о незаслуженно пережитых им и его семьей испытаниях и невзгодах. Отец видел главное: у его семьи есть продолжение, достойное любого социального строя и любых устремлений, продолжение, рожденное в родной стране.

Где еще, кроме России, есть люди, наделенные такой несгибаемой волей? Где, в какой стране семьи и дети изгоев, врагов общества, как их представляли волей обстоятельств, смогли бы выстоять и занять достойное место в жизни, применив всю силу своего таланта и знания?

Значит, в этих людях на генетическом уровне закладывался тот удивительный русский самобытный стержень, который позволял окружающим видеть их старание и умение жить без подлости, по совести, быть верными долгу и Родине.

Время неумолимо движется вперед. И новые поколения приходят на смену. Пусть они из нашей истории извлекут уроки.

Радуюсь, что в сегодняшней жизни, в новых социальных ориентирах, где царит конкурентная борьба, продолжатели ее из нашей семьи находят свое достойное место, не стяжая, не сутяжничая, не обманывая, а служа и работая для лучшей жизни семьи каждого и Родины.

¹ Исправительный трудовой лагерь.

Глава 4

Новое поколение

И новое поколение нашей семьи продолжает, не сгибаясь и не прогибаясь, нести традиции, заложенные предками.

Наша дочь – Рогатина Ольга Борисовна, окончив исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, занималась историей молодежного движения и поныне трудится, заведая учебной частью Российско-американского университета.

Внук – Махонин Юрий Александрович после окончания с отличием Московского лингвистического университета получил профессию юриста. Плодотворно работает в американской юридической фирме в Москве, занимаясь вопросами имущественных споров российских и зарубежных фирм.

Сыновья Ивана Николаевича и Марии Александровны Рогатиных заняли достойное место в жизни.

Старший, Александр Иванович Рогатин, после окончания Одесского технологического института работал на строительстве атомных электростанций в России и за ее пределами. Прошел путь от мастера на стройке до заместителя генерального директора ОАО «Центрэнерго-монтаж».

Рогатин Владимир Иванович, видимо, унаследовал какие-то дальние гены предков. Иначе чем объяснить его страсть к морской стихии? После блестящего завершения учебы в Высшем военно-морском училище им. Фрунзе в городе Ленинграде он 38 лет прослужил в военно-морском флоте страны. Командовал тяжелым атомным ракетным крейсером «Киров», участвовал в операциях по спасению АПЛ «Комсомолец» и «Курск». Завершил службу в звании вице-адмирала.

У детей Клавдии Николаевны и Александра Андреевича Сухаревых – другая яркая дорога в жизни.

Их сын Юрий Александрович Сухарев после окончания Московского государственного университета им. Ломоносова получил профессию философа. Этой стезе он посвятил всю жизнь, находясь на службе в армии, работая в ЦК ВЛКСМ (отдел научной молодежи), в Институте иностранных языков им. Тореца. Он профессор, доктор философских наук.

Дочь – Сухарева Татьяна Александровна после окончания Тамбовского государственного педагогического института, владея иностранными языками, работала в школе, в различных научных учреждениях. Но ее академическая жизнь по сути, завершилась после того, как она вышла замуж за А.Н. Чилингарова.

Куда только не бросала их жизнь. Каких только волнений они не пережили. Но в конце концов Артура Николаевича можно по праву назвать заслуженным гражданином нашей страны. Он – Герой Советского Союза, Герой России, академик Академии наук РФ, чье имя невольно ассоциируется с громадностью нашей страны, богатствами, бескрайними и суровыми просторами Арктики и Антарктики.

Мне с комсомольских лет приходилось общаться с ним. Смелый, увлеченный, беспокойный и глубоко знающий проблемы – он всегда в кругу людей, они не раз избирают его депутатом, он один из руководителей Русского географического общества. Заботится о детях, ветеранах освоения арктических и антарктических просторов, жертвах политических репрессий. И Международный фонд гуманитарной помощи и сотрудничества, который он создал и правление которого мне поручено теперь возглавить, – реальная возможность делать это на постоянной основе.

Международная конфедерация спортивных организаций с 1991 года была в числе учредителей этого фонда. Все эти годы вхожу в его правление. А это – новый круг общения с

замечательными людьми нашей страны. Среди них известный телеведущий-путешественник, страстный пропагандист Ю.А. Сенкевич; прошедший все тяготы арктических и антарктических станций М.П. Белостоцкий; разработчики недр Якутии, Ямала и Севера. Мне, познавшему тяготы репрессий, жертве их, особенно близки те, кто сегодня из оставшихся в живых жертв политических репрессий, приходит за помощью в фонд к Чилингарову, дороги полярники с их удивительными героическими судьбами.

У Марченко Ираиды Николаевны и Станислава Михайловича двое сыновей – замечательных сибирских крепышей-тружеников. От своего отца они унаследовали шахтерское призвание.

Марченко Сергей Станиславович после окончания Московского горного института работал в разных должностях на рудниках и даже добывал алмазы на известной «Трубке мира».

Марченко Александр Станиславович тоже окончил горный институт. В суровых условиях Севера он прошел школу горняка. Стал видным руководителем угольной отрасли, возглавлял в Якутии крупные угольные разрезы.

Мне уже вряд ли придется рассказывать подробно о следующих поколениях нашего многочисленного рода. Скажу главное – это достойные граждане страны: образованные, трудолюбивые, целеустремленные.

И как не возгордиться тем, что в основе нашей родословной лежат передаваемые из поколения в поколение вековые традиции, хранящие в себе достоинство и необоримый русский характер.

Глава 5

«Это всё мне родное и близкое...»

Во время пребывания в Тамбове в мае 2013 года в связи с проведением заседания Постоянной комиссии по культуре, информации, туризму и спорту Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ заместитель директора Тамбовской областной универсальной научной библиотеки им. А.С. Пушкина М. Сабетова, дочь школьного товарища Виктора Кунина, вручила мне книгу «Первомайский район: страницы истории»². Как человеку, детские и юношеские годы которого прошли в Первомайском, земля которого хранит могилы моих предков, было приятно прочитать о событиях и фактах истории этой «частички необъятной России». Они наполнили моё сознание и сердце особым волнением. В письме руководству Первомайского района я поблагодарил весь коллектив авторов и консультантов за этот труд. Он будет служить молодым поколениям «живой нитью, связующей прошлое с настоящим». Но вместе с тем это реальность, дающая ответ на вопрос: «В чём суть и неодолимость русского человека?» В книге представлены образы замечательных людей: работающих и воюющих, гордых и обиженных, счастливых и страждущих, но, главное, сознающих важность своего места на земле. И этим они вошли, чтобы, по Маяковскому, «умирая, воплотиться в пароходы, строчки и другие долгие дела». Со многими земляками-первомайцами я говорил о книге. Единодушная высокая оценка этого труда. Не могу не поделиться и своими воспоминаниями о малой родине.

² ОАО «Издательский дом "Мичуринск"», Тамбов, 2013 г.

Военное детство

В поселковую среднюю школу я поступил в начале Великой Отечественной войны в 1941 году, поэтому все военные и послевоенные годы жизни в Первомайском, как в калейдоскопе, предстали передо мной. Я помню раздирающие души плач и вопли матерей и жён, провожавших родных на фронт. Помню первые бомбёжки фашистских стервятников, помню налёты на нашу станцию, бомбы и трассирующие фейерверки пуль по находящимся на земле, их тупой стук о наш дом и истошный крик мамы: «Ох, родимец тебя расшиби!» Она стояла в двери, крестясь и грозя кулаком пролетающему фашисту. Помню, как во время занятий в школе мы высыпали во двор, услышав пулемётную стрельбу. На крыльях самолёта мы увидели непривычные для нас желтые кресты. В тот раз на вокзал и вокруг него были сброшены фугасные и зажигательные бомбы, они не взорвались. Говорили, что нашли в этих бомбах записки с призывами от патриотов Италии.

Всё ближе слышалась канонада приближавшегося фронта, наш посёлок был наводнён частями Красной армии. Во время бомбёжек воинские эшелоны с техникой выводили на железнодорожную ветку, ведущую на станцию Бенкендорф-Сосновка (теперь Челновая). За всем этим стояла организованность, могучая энергия сопротивления народа.

В книге есть фотография 10 класса выпуска 1941 года железнодорожной школы № 45 при станции Богоявленск, на которой среди ребят – мой брат Иван Рогатин, прошедший всю войну на передовой. Он дошёл до Берлина, затем стал генералом. А также мой двоюродный брат Михаил Духанин, который тоже ушёл на фронт, был ранен и на всю жизнь остался военным.

Из последних скудных возможностей каждая семья откладывала копейки, чтобы быть причастной к строительству танковой колонны «Тамбовский колхозник». В этих двух миллионах рублей, о которых говорится в книге, по крохам собранных населением района, был и труд школьников. Как мы гордились тогда, видя в кадрах кинохроники танки с надписью «Тамбовский колхозник»! Мы ощущали: они за нас, оставшихся в тылу, громят врага. Собирали на полях колоски, мы сносили на колхозный ток снопы для обмолота, ухаживали за ранеными в госпитале, собирали металлолом, а для питания семей выкапывали из земли прошлогодний промёрзший картофель.

Помню и только родившуюся тогда «Катюшу» – песню, которая неслась из открытых дверей теплушек. Грозно, с надрывом пели её те, кто отправлялся на фронт. Помню и составы с прибывающими на нашу станцию военнопленными фашистами, и оледеневшие от жестокого мороза трупы их собратьев, под одинокую скрипку увозимые на захоронение.

Победа!

Помню радостный день Победы он был тогда в посёлке солнечным, и бескрайний восторг всех: гражданских, военных, детей. Завершилась такая долгая и такая ужасная война! Пронеслись мимо нашей станции в обратном направлении составы с теплушками, украшенными цветами, заполненными радостными воинскими подразделениями. Тогда никто не знал, что они отправлялись на новую войну. Но для нас наступила мирная жизнь. И народ наш, дорвавшись до несказанного богатства мирной жизни, ринулся захлёб вырывать его у времени, спрессованного горестями войны.

Восстанавливали страну

Восстановление страны в послевоенные годы – яркая страница истории нашего народа, значение которой, а главное, результаты видны и поныне. Вот только несколько ярких свидетельств по Первомайскому району. В ознаменование победы советского народа в Великой Отечественной войне в совхозе «Снежеток» был заложен сад Победы. Во исполнение Сталинского плана преобразования природы (так его тогда называла официальная пропаганда) утверждается план развития полезащитных лесонасаждений в колхозах района на 1948–1955 годы. Начинается строительство Богоявленского паровозоремонтного завода. Всё взрослое мужское население посёлка строило пруд, получивший затем название Лушкин. Каждый из нас должен был вывезти на тачке с его дна на берег 5 кубометров грунта. Поражаюсь мудрости моих земляков – оставить память о Великой Победе таким простым и нужным для жизни людей способом. А ведь это было начало преображения родного района – он превращался из аграрного в аграрно-индустриальный. Рождался новый облик посёлка и окружающих сел, в которых тогда, за редким исключением, не было плодовых деревьев. Каждое такое деревце облагалось налогом. А теперь «Снежеток» стал плодовой жемчужиной Первомайской земли, известной далеко за пределами Тамбовщины. А плодоносящие саженцы пришли в каждое село района.

Это невозможно представить сейчас, но в те годы за окнами вагонов поездов, уходящих со станции Богоявленск, простиралась бескрайняя равнина, редко пересекаемая речушками или оврагами. На зиму вдоль железнодорожных путей для задержания снега выставлялись сбитые из досок щиты. Лесопосадки изменили всю картину района. Радующие сегодня глаз лесополосы – это тоже памятники восстановления, а не только надёжная защита полей от засухи. Они стали любимым местом отдыха. В старших классах мы уже вместе со всем посёлком праздновали День железнодорожника в этих посадках.

Новая жизнь

Да, послевоенные годы были нелёгкими. Но это была новая жизнь. Уже в 1947 году были отменены карточки на хлеб, и мы вновь ощутили его вкус, воспоминания о котором с предвоенных лет оставались с нами все эти годы. Железнодорожные пути посёлка, в том числе вновь построенные, заполнили паровозы самых разных марок для ремонта на новом заводе, ставшие для подростков предметом детального изучения.

В школе, в которую мы вновь вселились после закрытия госпиталя (а до этого классы располагались в приспособленных помещениях по всему посёлку), стала налаживаться мирная жизнь. В 1946 году райком партии принимает постановление о развёртывании массовой физкультурной работы в районе. Вслед за этим создаются спортивные общества по военнотехническим видам спорта, спортивное общество «Колхозник». Проводятся спортивно-оздоровительные мероприятия. Развивая массовость, тогда понимали, что в её основе лежит не только создание материальных условий, но и развитие общественных структур, позволяющих готовить кадры организаторов этой работы. Вместо военрука в класс пришел физрук. В школе появились лыжи, впервые мы взяли в руки футбольный и волейбольный мячи, до этого гоняли тряпичный. Проходили соревнования по лёгкой атлетике. Мне, занявшему призовое место в соревнованиях по лыжам, было доверено представлять район на областных соревнованиях. В 1949 году меня избрали секретарем комсомольской организации школы. Помню это светлое и беспокойное время. Как жаль, что ныне нет этой организации!

Первооснова созидателей

Такова была наша жизнь. И обо всем этом достоверно, опираясь на факты, сообщает читателю книга. Те, кому доведётся раскрыть её, могут убедиться, что, вопреки вещателям истории нашей страны в негативных красках, на её страницах предстают время и люди, достойно перенёсшие горести и лишения. Их не согнула железная хватка времени, у них была жажда жизни, они боролись за неё каждый по-своему. Да, были репрессии, бездумно и несправедливо вырывающие из рядов самых дееспособных и трудолюбивых людей-кормильцев. Да, были, казалось бы, непостижимые уму испытания, да, не все их выдержали. Но, например, у нас в семье, оставшейся без отца, на попечении полуграмотной мамы Марии Ильиничны Рогатиной, в семье «врага народа», лишённой всех прав, вырастают здоровые дети. Все получают высшее образование, учёные звания, становятся учителями, инженерами, офицерами, трудовой путь которых пролегает через руководство школами и кафедрами институтов, угольные шахты и разрезы, Вооружённые силы, ЦК ВЛКСМ, ЦК КПСС. А первооснова созидателей – дающая силы Первомайская земля. Обо всем этом говорю лишь для того, чтобы подтвердить правду этой книги.

Жизнь разбросала всех в разные края большой страны, но Родина всегда начинается для нас с Тамбовщины: при упоминании этого слова щемящее чувство возникает в груди. Станция Богоявленск, родная Панёвка, домик, стоящий на развилке разбитых дорог, добрые и мудрые люди, воспитавшие понятия гордости, чести и уважения к труду. Мой дед по матери – Илья Илларионович Духанин рассказывал, каким каторжным трудом добывался на этой богатейшей земле хлеб. Отрезая ломоть, он никогда не оставлял крошки на столе, смахивал их в ладонь и отправлял в рот. На наши вопросы отвечал: «Хлеб – дар Божий, он дан для сохранения жизни на земле, в этой крошке – частица труда, надежда и вера человека».

Часто от молодых людей приходится слышать сетования по поводу бесперспективности современной жизни. И это говорится в то время, когда человек впервые за всю многострадальную историю нашей страны стал свободен. Главное – впитывай знания, выполняй хорошо работу, имей цель в жизни, стремись к ней, и тогда будешь уважаем окружающими, тогда придёт благосостояние и благополучие.

Впечатление о тамбовщине

Во время встречи в Тамбове я рассказал руководству области о своих впечатлениях, об увиденных изменениях в области: новом облике городов, посёлков и сёл, новых людях – наследниках славной истории Тамбовщины. С особой гордостью при этом говорил о Первомайском районе, его посёлках и сёлах. Ушли в прошлое крытые соломой домишки, непролазные дороги, журавли колодцев, дымящие от сжигаемого кизяка трубы печей и его пирамиды у домов для просушки. Исчезли чугуны, ухваты, таганы, рогачи, кочерги, ступы, толкачи, прялки и другая утварь, необходимая каждой доброй хозяйке. Нет и в помине примусов, керосинок, загнеток, на которых готовилась пища; керосиновых ламп, бывших главным средством освещения жилищ. Но, слава Богу, остались щемящие душу названия и истории посёлков, деревень, прудов, улиц, садов; остался такой родной и неповторимый местный говор, легенды и предания. Сохраним всё это, дорогие земляки!

Часть II

От шахты до ЦК

Благодарность

*За достигнутые трудовые успехи,
многолетнюю добросовестную работу
и активную общественную деятельность
Рогатину Борису Николаевичу*

Президент Российской Федерации В. Путин
25 сентября 2014 г.

Глава 6

«Там, на шахте угольной, паренька заметили...» (из песни)

После окончания школы у меня не было сомнений в выборе будущего. Мой школьный товарищ, ставший мужем сестры Иры, Марченко Станислав Михайлович, приезжая на каникулы, своими рассказами о профессии горного инженера, необычной красивой формой, которую тогда носили студенты-горняки, а главное, повышенной стипендией в сравнении со студентами гуманитарных вузов, накрепко вселил в сознание, что это будет мой путь.

Замечу, что, несмотря на тяжелейшие годы, в которые проходило обучение, Первомайская средняя школа Тамбовской области дала глубокие знания. Даже в мыслях не возникало опасений за успех поступления в вуз.

Наши школьные годы... трудными были они. Школа была единственным источником знаний. Многие приходили на занятия часто голодные, полураздетые; в зимнюю стужу в приспособленных под классы помещениях дыханием отогревали чернила; тетради заменяли подшивки газет, в которые старались записать каждое слово учителя, особенно по предметам, по которым не было учебников.

Конечно, среди нас не могло быть места пай-мальчикам: были шаловливы, драчливы и даже бряцали между собой самодельным вооружением, которым в достатке снабжались из вагонов, увозящих с фронтов на переплавку разбитую технику. Таков был окружающий нас быт.

Но как понимали всё это наши учителя, переживающие такую же нужду. От рождения добрые, они знали, что для нашей учебы не обойтись без их требовательности. Часто вызывали на беседу перепуганных матерей нерадивых учеников; кроме радио, не имея других источников информации, после занятий в школе они спешили в библиотеки, чтобы почерпнуть нужное и пополнить институтские конспекты. Наши знания проверялись ежегодно. Уже в 4-м классе были экзамены по четырем предметам, а 7-й завершался сдачей одиннадцати.

Никто не протестовал, не возмущался перегрузкой детской психики. Может быть, этот ежегодный экзамен готовил нас к достойному восприятию экзаменов, которые каждому уготовила жизнь.

Но ведь не только школьная программа была заботой наших учителей. Думали и о физическом, патриотическом и духовном воспитании. Каких-либо возможностей для этого в школьной развалюхе не было, но стоило прослышать о том, что учительница немецкого языка Евгения Александровна Эберт будет проводить занятия по музыке, как к ней и полуразвалившемуся пианино выстроилась очередь девчонок и мальчишек. А сколько затаенных познаний о поэзии, о русской классике давали нам занятия в драматическом кружке у Варвары Павловны Гречишкиной! Героическую историю страны, не только в рамках школьной программы, мы усваивали от нашего директора Павла Дмитриевича Барабанова, прошедшего фронтовые дороги.

С моей супругой Людмилой Ивановной мы каждый год возвращаемся в родные пенаты, посещаем сельский погост, где покоятся родители, и низко кланяемся им и светлой памяти любимой учительницы по математике Антонины Ивановны Матюшиной. Стоя у этой могилы, мы добрые слова говорим всем вам, наши дорогие учителя – беззаветные труженики.

А по соседству, у могилы одноклассницы – Галины Константиновны Свиридовой, мы вспоминаем не только уважаемый труд её – пожизненного учителя новых поколений земляков, но и плеяду наших ушедших из жизни школьных товарищей, вместе с которыми мы познавали азы науки преодолевать, не сгибаясь и не предавая, каждую новую цель на жизненном пути.

В 1951 году я стал студентом Московского горного института. Он тогда носил имя И.В. Сталина, чем мы очень гордились. Дважды, маршируя перед Мавзолеем в рядах институтской колонны и распевая шахтерский марш: «Слався, шахтеров племя, слався, шахтерский труд! Мы обгоняем время – Сталин наш лучший друг...», я увидел его на трибуне живым. Не верилось, что наш Великий Сталин ростом был ниже своего окружения.

И, конечно, никто из нас не твердил, как заклинание: «Вот Он – источник наших бед!» Мы знали: «С Ним народ победил!»

В нашей студенческой семье не было изнеженных отпрысков. Все были равны: одни прошли дороги войны, другие познали страдания и нужду. Была у всех нас жажда знаний.

В те годы в Московском горном институте были сосредоточены ведущие ученые отрасли. С первых дней учебы нам давали не только глубокие знания по общим и специальным дисциплинам, но и внедрялось в сознание: стране нужно много угля, но только без крови.

Помню, в приемной ректора института, выдающегося ученого, ставшего впоследствии академиком Академии наук СССР, В.В. Ржевского на видном месте висела картина, на которой художник изобразил в забое обнаженного человека, на четвереньках тянущего корыто с углем. На шее у него был хомут, а между ног тянулась к корыту лямка. Так встарь из низкой лавы в откаточный штрек иногда спускали уголь. В шахтерской среде эта профессия называлась «мудотёр».

Не только этим, конечно, но нас повседневно убеждали в тяжести и опасности выбранной профессии. Студентам уже с начала обучения надо было два раза в год проходить практику на шахтах и угольных разрезах. Это были Подмосковье, Тульская, Челябинская области и, наконец, Кузбасс, ставший для меня впоследствии второй родиной. Я познавал профессии проходчика, электрослесаря, помощника машиниста экскаватора и гидромониторщика.

Последняя особенно запомнилась. И не только тем, что за два месяца я заработал громадные по тому времени деньги (осталось на житье в институте, и даже семье помог), но и тем, что только чудом остался в живых.

А было так. На угольном разрезе Краснобродский я тогда уже самостоятельно работал на месте гидромониторщика. На первый взгляд – ничего сложного: управляй стволом гидромонитора, не забывая, что перед тобой почти рядом, в 10 метрах, 15-метровая стена наносов, которую надо разрушить струей, вода которой унесет потом размельчённую породу в отвалы.

В одну из ночных смен, любуясь восходящим солнцем и неопишуемой красотой окружающей природы, – а это отроги Горного Алтая, всем телом ощущал силу струи, бьющей из ствола (ей можно согнуть железнодорожный рельс). Попытка песней перекричать гул, похожий на раскаты грома, исходящий от мощных потоков воды и падающих с высоты пластов земли... И вдруг... я взлетаю к солнцу. Плехнувшись в пульпу³, при этом лишь жесткими краями задевший пролетевшей надо мной струей, я какое-то время лежал в беспамятстве. Благо, сработала автоматика, и давление в мониторе спало, а ствол его лежал рядом со мной.

Выяснилось: крепление ствола из-за заводского дефекта обломилось, не выдержав давления, и меня, грудью упиравшегося в длинный рычаг управления (водило), как бейсбольной битой, подбросило ввысь. Благо, что это был не удар по телу, а бросок.

Я получил убедительный урок. Труд горняка не дает возможности расслабляться.

В студенческие годы я трижды приезжал в Кузбасс. На всю жизнь осталась в доброй памяти работа на Новосергеевском, Бачатском, Краснобродском угольных разрезах. Поэтому, когда после окончания института появилась возможность распределиться в Кемеровскую область, я не задумываясь выбрал её.

Как не вспомнить добрыми словами семью шахтеров шахты «Западная» и её угольного разреза, в которую с вниманием и заботой приняли меня. И хотя начальник шахты А.А. Бейкин

³ Пульпа – размытая водой горная масса.

всячески агитировал взять подземный участок, я попросился на место, которое уже освоил, – на угольный разрез. Так я стал горным мастером. Начал добывать уголь.

Эти годы отмечены бурным ростом экономической мощи Кузбасса. Во всех отраслях нужны были молодые, грамотные кадры. Хозяйственные и партийные органы, думаю, заметили мои способности и умение работать с людьми. Через год работы на шахте меня пригласил первый секретарь райкома партии А.С. Шаповалов.

Поинтересовавшись, как у меня складывается работа, как дела в семье, он неожиданно спросил:

– Как ты смотришь на перспективу своего роста? Да, мы знаем, что на хорошем счету на шахте, даже проект реконструкции разреза предложил, а комсомольца шахты избрала тебя в секретари.

Я ответил, что Владимир Васильевич Ржевский, ректор Московского горного института, дал мне наказ: «Через пару лет быть обязательно в аспирантуре института. Ты хорошо зарекомендовал себя, занимаясь наукой на кафедре открытых горных работ», – сказал он. Вот я теперь готовлюсь к сдаче экзаменов в аспирантуру, закончил Университет марксизма-ленинизма, – завершил я свою речь.

– Райком партии хотел бы предложить твою кандидатуру на пост первого секретаря райкома комсомола. Ты шахтер, район у нас шахтерский. Кому же, как не тебе, со знанием дела работать с молодежью?! Скоро у нас будет конференция, ты делегат. Не сомневаюсь, выберут. Впрягайся тогда!

На мои робкие отговорки, что в семье только что родился ребенок, жена, инженер-текстильщик, пока без работы, лишь спросил:

– А сколько ты сейчас получаешь со всеми начислениями?

Я ответил:

– Недавно получил отпускные. В среднем за месяц в году вышло около 3 тыс. рублей⁴.

– Да, – задумался Александр Спиридонович. – А у первого секретаря райкома комсомола всего 870 руб. в месяц. Но ты написал заявление о вступлении в члены КПСС, – продолжил он, – вот это будет тебе первое партийное поручение.

Вот так в корне были изменены мои планы на жизнь! В 1957 году я был избран первым секретарем Куйбышевского райкома комсомола города Сталинска. Этим было положено начало моей работы в молодежном и спортивном движении страны.

Трудно пришлось привыкать к той мизерной зарплате. Думаю, жена никак не думала, что с первых шагов нашей совместной жизни мы – два инженера – окажемся в такой ситуации.

Она окончила Ленинградский текстильный институт. Получила профессию инженера-технолога по прядению и ткачеству. Ей бы поехать поближе к хлопку, а тут суровая Сибирь.

Оглядываясь в прошлое, я бесконечно благодарен Людмиле Ивановне за понимание, терпение, преданность. Никто нам не стелил ковровых дорожек в жизни. Жили в шахтерском общежитии, в квартире для нескольких семей с туалетом за десятки метров от дома. Каково это сибирской зимой? Да разве я об этом пишу?!

Это сейчас иные бойкие писаки с вожделием рассказывают о комсомольских лидерах тех лет как о развратниках или, в лучшем случае, как о приспособленцах. А мы работали, растили детей, были верны доверию людей. И ничего у нас не было, кроме работы и верных товарищей.

Вокруг райкома комсомола мы объединили молодых специалистов, понимая, что через мастеров смен, руководителей участков и бригад можем дойти до молодежи района. Создали отряды «легкой кавалерии» (позже они преобразовались в «комсомольский прожектор»). Пер-

⁴ Эти суммы получали в стране до денежной реформы.

вые рейды на шахтах показали, что мы на верном пути, – столько было обнаружено бесхозного добра в заброшенных выработках.

Нас поддержал управляющий угольным трестом П.П. Осокин. Он ввел в практику, что на еженедельные селекторные планерки с руководителями угольных предприятий приглашали секретаря райкома комсомола.

Часто на сетования, объяснения и просьбы он предоставлял слово мне. Я говорил: «На шахте такой-то в забое такого-то участка лежит заброшенный кабель, или рештаки, или крепёжные стойки, или требуемый сейчас электромотор».

Далее следовал разнос управляющего. Он говорил в завершение: «По каждому факту, выявленному комсомольцами, разберитесь. На следующей планерке доложить. А предприятия, где выявились эти бесхозные богатства, я снимаю на неделю с материально-технического обеспечения. Используйте резервы! Комсомольцы указали на них!»

Это только один пример того, чем занимался райком комсомола. А сколько было таких дел и по другим направлениям.

В те годы в городе Сталинске началось строительство металлургического гиганта – Западно-Сибирского металлургического завода. В горкоме партии на собрании актива было сказано, что это строительство – дело всей страны, но для города оно первоочередное.

Поехали мы с членами бюро на Антоновскую площадку – место будущего строительства. На ней увидели пшеничные поля, размеченные табличками с наименованием будущих цехов: доменный, мартеновский, прокатный... Людей пока не было. Говорили, что молодежь со всей страны скоро будет прибывать.

Мы понимали, что и в районе будут молодые люди, желающие строить этот гигант. Начали работать в школах, на предприятиях и стройках.

Результат... Помимо отдельных добровольцев с предприятий ребята и девчата выпускных классов школ № 9 и № 47 района в полном составе пошли работать на Запсиб. Им мы вручили комсомольские путевки.

Наша активность, наши увлечения были на виду у молодежи, к нам присматривались старшие товарищи. Доверяя новое дело, часто давали возможность испытать себя в необычных условиях на конкретном поручении.

Лозунг «Кадры решают всё!» соответствовал продуманной системе работы с ними.

Неожиданно (во всяком случае, для меня), я был включен в состав делегации советской молодежи на VII Всемирный фестиваль молодежи и студентов, который в 1959 году проходил в Вене. Об условиях, в которых разворачивались его мероприятия, свидетельствует хотя бы тот факт, что в городе на одних и тех же площадках работали фестивальные и антифестивальные комитеты.

Правительство Австрии и средства мирового капитала поддерживали деятельность антифестивальных сил. Были здесь и специальные агитаторы, и засланные девицы легкого поведения, и откровенные провокаторы, и жулики, пытавшиеся нажиться на волне антисоветизма.

Скажу откровенно, для всех нас это было серьёзной школой. Сколько по-настоящему боевых идейных схваток выдержал каждый. В нашей группе, к примеру, были, А. Власов – первый секретарь Иркутского обкома ВЛКСМ, ставший впоследствии Председателем Правительства РСФСР; К. Логачев – первый секретарь Удмуртского обкома ВЛКСМ, ставший Генконсулом в Загребе, и другие. Мы не только сдружились в ходе этой поездки, но и впоследствии поддерживали добрые рабочие отношения. Это была ещё одна проверка моей профпригодности как молодежного лидера.

Меня избирают вторым секретарем Кемеровского обкома комсомола, а затем приглашают в Москву в руководство отдела комсомольских органов ЦК ВЛКСМ, чтобы через год предложить комсомолу Кузбасса мою кандидатуру на пост первого секретаря обкома ВЛКСМ.

Комсомольская организация Кемеровской области была одной из ведущих в стране. Мне приходилось постоянно быть среди руководителей предприятий, хозяйств, в гуще молодежи: в угольном забое, у мартеновских печей, в заводских цехах, на стройках, животноводческих фермах. Все важнейшие стройки области, представляющие ведущие отрасли промышленности: угольную, химическую, металлургическую, цементную – были ударными комсомольскими – всесоюзными и областными. Нам надо было проследить за тем, как здесь организован труд и быт молодых людей, вести агитацию на стройки среди молодежи западных и центральных регионов страны, среди воинов, увольняющихся в запас. Мы строили спортивные площадки по месту жительства, особенно входившие тогда в моду детские хоккейные коробки, сельские дома культуры; заботились о развитии спортивных секций, художественной самодеятельности; привлекали в ряды своих сторонников молодых ученых, творческую интеллигенцию, молодых писателей.

В Кузбассе велось громадное строительство. И часто на многочисленных совещаниях, штабах и планерках остро поднимался вопрос нехватки цемента. Ведь везли его в Сибирь даже с берегов Черного моря. Чтобы не сдерживать строительство, не утонуть в потоке претензий, все понимали: нужно производить его на месте.

В 1960 году принимается решение о строительстве в области крупнейшего цементного завода. Его местом был избран город Топки, находящийся в транспортной доступности со всеми главными новостройками области.

Был, к сожалению, один недостаток – существующая инфраструктура этого небольшого города не в состоянии была обеспечить объем грандиозного строительства. С первых шагов руководство области искало возможность, чтобы создать на стройке дееспособный отряд строителей, встряхнуть рутину, а главное, довести до каждого особую важность этого объекта. И тогда по нашей инициативе ЦК ВЛКСМ объявил строительство Топкинского цементного завода Всесоюзной ударной комсомольской стройкой.

Она становилась в ряд строек, над которыми шефствовал комсомол области и страны.

Это было знаменательное явление той ушедшей в прошлое бурной созидательной жизни страны.

Всесоюзная ударная комсомольская стройка становилась нравственным аккумулятором энтузиазма поколения, энергия которого питала ряды романтиков. Здесь по зову сердца со всех краев необъятной страны накапливались животворные силы представителей разных народов и национальностей, плененных масштабами цели – строительства гиганта индустрии, с сооружением которого становились могущественней и богаче не капиталы очередного олигарха, а родное Отечество.

И это были не искатели приключений, опьяненные жадой больших заработков или легкой наживы; их не пугали трудности, невзгоды и разлука с родными и близкими. Стройка становилась скрепой многонациональной страны, вести с которой и о которой, одинаково радуя или огорчая, доходили и до семьи и друзей, живущих в селе Черноземья, и в горный аул и кишлак, и в поселок, затерявшийся в северной глухомани, и в столицу республики, края, области... – везде, откуда посланцы по комсомольской путевке трудились в неведомом краю. Вся страна была причастна к этому строительству. Люди следили за сроками пуска объектов, помогали не только ударным трудом тех, кто был связан с выполнением заказов для их возведения, но и гордостью и ответственностью коллективов, посланцы которых были в гуще этих событий.

Здесь ковалась дружба народов, проходили проверку и закалялись характеры тысяч молодых людей, для которых коллектив товарищей-строителей на всю жизнь оставался несокрушимым фундаментом, заложенным под несгибаемую волю личных судеб и судьбы народа.

Ныне настали такие времена, когда ударные комсомольские стройки одна за одной отмечают юбилеи.

Спасибо тем, кто помнит эти даты и собирает тех, кто прошел эту школу мужания!

Поражаюсь этим собраниям! На них приходят поседевшие, перенесшие всяческие болезни и трудности семидесяти- и восьмидесятилетние ветераны. Они, как святыню, сохранили энергию молодости: у них горят глаза, дрожит голос от нахлынувших чувств и песен молодости. Они часто выглядят моложе своих поблекших и безразличных от сидения у экранов внучат. Даже прожив тяжелые годы жизни, они гордо сохранили свою убежденность, свою несгибаемость!

Но вернемся к Топкинскому цементному заводу.

Комсомольскому штабу, который был создан на строительстве, приходилось вникать в решение многих вопросов одновременно: агитировать молодежь из других областей и из армии для пополнения рядов строителей – вручать комсомольские путевки и размещать прибывших, чаще всего в палатках; строить общежитие, столовую, магазины, клуб, школу, детский сад. Надо было ещё наладить обучение новичков новым профессиям, организовать ударный труд. Летом с началом студенческих каникул на берегу таёжной речки с символическим названием Боец мы открывали студенческий строительный лагерь, состоящий из ребят кемеровских вузов.

Благо, что это строительство располагалось в пределах полутора часов езды от областного центра, и мне часто удавалось вырваться на стройку, встретиться с молодежью на объектах, узнать о нуждах. А вечером у костра подводили итоги трудовых недель, слушали рассказы о жизни, планах и бедах. Здесь под бренчание гитары душевно звучали песни, читались стихи – раскрывалась суть этих ребят, прибывших по зову сердца с бескрайних просторов страны. Запомнились на всю жизнь и тревожные песни нашей молодости, и то, как, краснея от смущения, читал свое заветное молодой паренёк с Тамбовщины: «Мне бы очень хотелось вступить в комсомол на какой-нибудь стройке: в землянке, в палатке...»

А наутро – все на работу: кто на стройку, а я, в зависимости от сложности поставленных в течение дня вопросов, направлялся или к руководству стройки, или в областные организации.

Обо всем этом напомнили мне ностальгические воспоминания Виктора Симоненко – секретаря комсомольской организации строителей Топкинского цементного завода. Он стал потом начальником строительства этого завода.

Удивительный жизненный путь! Вместе с сотнями энтузиастов с первого ковша экскаватора в 1961 году до первых тонн цемента в 1966 году они построили этот гигант строительной индустрии.

Можно смело сказать, что **прочностью топкинского цемента теперь измеряют устойчивость и крепость растущего Кузбасса.**

С особой благодарностью я вспоминаю наших старших партийных товарищей С.М. Пилипца, Л.И. Лубенникова, З.В. Кузьмину, В.И. Залужного, В.И. Ситникова, Л.Ф. Попова, Н.С. Поренченко и многих других руководителей обкома, городов и районов области. Они верили нам, помогали, поддерживали.

Отдельно хотелось бы сказать об А.Ф. Ештокине – первом секретаре обкома партии. Общение с ним было поучительным. Вера в людей, доверие к товарищам по работе, умение поддержать инициативных, творческих людей, забота о росте новых поколений ярко проявлялись в стиле работы этого обаятельного и мудрого руководителя.

И это было не показное похлопывание по плечу, не беспокойство лишь о том, чтобы среди строк докладов и выступлений было сказано доброе слово о молодом поколении, – это была проверка делами.

Меня избирают в состав бюро обкома партии. А это, помимо ответственности и науки, которое давало участие в каждом заседании, делало меня в глазах партийного и хозяйственного руководства представителем главного органа управления области. На встречах с молодежью накапливалось немало вопросов, и для решения их я был вхож к руководителям самого высокого ранга; мне была доступна закрытая информация о жизни области и страны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.